

Валентин Губарев

**Империя МО.
Азбука
разведки**

Валентин Губарев

Империя МО. Азбука разведки

«Издательские решения»

2015

Губарев В.

Империя МО. Азбука разведки / В. Губарев — «Издательские решения», 2015

«Империя МО. Азбука разведки» – первая книга из серии «Империя МО». Лето 1984 г. Выпускник средней школы Саша Русанов волею судеб поступает в ВОКУ – высшее общевойсковое командное училище и начинает учебу на факультете «применение подразделений войсковой разведки».

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Империя МО. Азбука разведки

Валентин Губарев

© Валентин Губарев, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Данная повесть – чисто художественное произведение. Упомянутые лица и события – плод авторского воображения. Любые совпадения носят случайный характер.

Ушедшим солдатам Империи СССР, сегодняшним
военнослужащим ВС РФ, будущим бойцам
Империи Российской посвящается.

Глава 1

В детстве, когда Сашка Русанов еще не умел читать, он брал книгу, смотрел на буквы и говорил разную абру-кадабру, случайный набор слов, первое, что приходило на ум, представляя, что он читает. Не умея писать, он чертил на листочке горизонтальные прерывистые линии или рисовал палочки, имитируя почерк, представлял, что пишет. Так велико было его желание научиться писать и читать.

Затем, в начальных классах школы, он жалел, иногда, что чистосердечное стремление это привело его в школу. Бесконечные «Мама мыла раму» и каждодневные, монотонные требования учительницы по правописанию отбивали всякое желание продолжать учиться. В старших классах эти детские сожаления ушли, растворились в безбрежном и прекрасном мире Толстого, Тургенева, Пушкина, Некрасова. В старших классах он пришел к вполне осознанному и, как ему казалось, окончательному выводу: умение читать и писать дает человеку неоспоримые преимущества, это путевка в большую жизнь. «Ученье свет, а не ученье – тьма», лучше не скажешь.

Больше всего Сашке нравились праздник Нового года и приход весны – апрель, начало мая. После шумной и веселой встречи Нового года Сашка всегда торопил время: «Январь и февраль быстрее уходите, приходите март, апрель, а за ними, скорее, веселый май!»

И вот сейчас, в этот не по-весеннему хмурый, апрельский день 1984 г. воспоминания из начальных классов школы нет, нет, да и пробивались в Сашкино сознание. За окном молодой, весенний ветер играл с начавшими уже прихорашиваться ветками деревьев. Веселый забияка неожиданно налетал и старался сорвать недавно завязавшиеся зеленые листочки – бантики. Ветки, поначалу прогнувшись от порыва, упруго распрямлялись, выталкивая налетчика вон, возмущенно шелестели, не разделяя, по-видимому, игривого настроения невидимого хулигана. Где-то наверху, в заоблачном ЖЭУ, немного повернули краник смесителя горячей и холодной воды и дождик капал уже не такой обжигающе холодный, чтобы прятаться от него, но и еще не достигший степени летнего ласкающе-теплого нагрева, чтобы подставлять руки. Природа щедро оплатила коммунальные счета и теперь неспешно принимала бодрящий душ после зимнего сна. Тонны воды, разделенные сеткой небесного душа на бесчисленные граммы капель, смывали с улиц, площадей, скверов, крыш домов остатки прошлогодней пыли, придавали зеленой окраске на появившемся только что травяном ковре сочность и теплоту. Все это, с пугающей неотвратимостью, напоминало Сашке, что сейчас уже не 31 декабря 1983г., а апрель 1984г., и время неумолимо идет, остановить его невозможно. Скоро по этому ковру пройдет с инспекцией красавец май, пробежит веселый июнь, промчится озабоченный август, а затем неспешно протопает сентябрь, а затем... А затем его жизнь, возможно, будет мериться не такими поэтическими категориями. Детство его закончилось, а юностью он заплатит Родине за обучение, в котором его прежней размеренной и спокойной жизни уже не будет. Январь, февраль и март пролетели мимо стремительно, могучий поток времени не дал шанса зацепиться за них, хотя Сашка был и не прочь. Новый Год уже прошел, весна пришла, но она больше не радовала, так как следующий Новый Год и следующая весна ничего хорошего Сашке не сулили.

Сашка сидел в кабинете районного военкомата на деревянном стуле, за огромным круглым столом рядом с нескончаемыми стеллажами папок и писал, как ему было сказано, важный и ответственный документ. Буквы ложились на белый лист плавно, одна за другой. Все его 16 лет едва умещались на полстраницы, то ли от убористого Сашкиного почерка, то ли от ничемности и непродолжительности жизни. Сашка писал и жалел, в который уже раз, что он научился писать и читать. Все больше и больше ему хотелось выйти со «света» и погрузиться во «тьму». Он писал автобиографию для поступления в военное училище. Не писать, не читать

это не хотелось. Писать не хотелось, потому что Сашка по натуре был отъявленный пацифист. Военная жизнь создана явно не для него. Нет, ничего против военных он не имел. Военные – молодцы, brave ребята, мужественные защитники Родины, женщинами и Партией обласканы, форма красивая, профессия военного в стране пользуется уважением, но... Есть одно «но».

Когда к родителям собиралась приезжать Сашкина бабушка – мать мамы и теща для папы, то отец Сашкин не мог нарадоваться этому известию: и такая Зинаида Дмитриевна хорошая, и мастерица, и умница, и готовит вкусно, и грамотная женщина – умный собеседник, но... Вот оно это самое «но». Но, почему-то, любимый зять всегда настаивал, чтобы так обожаемая им теща – умница и прелесть, останавливалась не у них, а у Сашкиной тети – маминной сестры. Армия, она как теща. Когда она где-то далеко, то все горазды поднимать стопку за стопкой на 23 февраля, рассказывать истории о героической службе, армейской романтике, желании послужить, как положено, но... Но после школы, почему-то, институты ищут обязательно с военной кафедрой, чтобы быть от этой самой армии – мечты всей своей жизни, подальше.

К армейским «ать-два, левой», «равняйся, смирно» и военной форме Сашку не тянуло. Родители проживали в счастливом браке, похожем чем-то на брак дворянки и крестьянина. Мать Сашкина – Ангелина Петровна Русанова, в девичестве – Дворянинова, властная женщина с аристократически правильными, изящно очерченными, гордо-властными чертами красивого лица, была заведующей ГОРОНО, а отец – по внешности и характеру – типичный крестьянин средней полосы, невзрачный и тихий – водитель в этой же организации. Бабушка и дедушка Сашкины, по линии мамы, были интеллигенты в пятом поколении, всю жизнь свою отдавшие народному образованию. Предки же по линии отца от дня сотворения земли были крестьянами и, вполне возможно, что в один из отрезков исторического времени пребывали они крепостными у предков Сашки по линии мамы. Познакомились родители еще когда Ангелина Петровна была выпускницей педучилища и приехала работать «учителькой» в совхоз, где в то время его батя работал трактористом. В результате таких браков, как правило, рождаются чудные дети. Такие союзы, как расплавленный воск на холодную воду. Когда воск с шипением «врывается» в воду, то кажется, одержит он неминуемую победу – скует мягкую и податливую субстанцию, заставит жить по своим, «свечным», правилам. Но вода, мягко принимая восковый ручеек в свои холодные объятия, позволяет ему проникнуть вглубь ровно настолько, насколько она сама, расширившись, обхватывает его со всех сторон. Итогом соединения вязкого и горячего с жидким и холодным являются совершенно удивительные, ни на что не похожие фигурки – дети воды и воска. В результате примерно такого слияния и родился Сашка – большелобый, широкоплечий и рослый парнишка, не похожий ни на мать, ни на отца. «Голубая», аристократическая кровь матери и красная, рабоче-крестьянская – отца, совершенно неожиданно, в нарушение всех норм и правил смешивания палитры, окрасила радужную оболочку глаз их сына в зеленый цвет.

К моменту достижения Сашкой шестнадцати лет все в семье уже привыкли к его «исключительности» и только старшая сестра Сашкиной бабушки по линии отца – бабушка Маша, каждый раз, увидев «внучика», всплескивала руками, целовала его в лоб, вытирала кончиком платка слезу и любовно называла «выродком».

Иван Порфирьевич, так звали Сашкиного отца, в армии не служил по причине плоскостопия, мать не служила в силу естественных причин, любви к армейским законам и традициям никто, естественно не испытывал, и с этой стороны Сашке ничего не угрожало. По окончании школы Сашка мечтал поступить на журналистский факультет местного университета. К пишущей братии он никаких симпатий не питал и журналистом никогда стать не мечтал. Ему хотелось путешествовать по разным заграничным странам, как Юрий Сенкевич, или плавать под водой с аквалангом, как Жак Ив Кусто. Вообще, к концу школы, он так и не определился с выбором профессии. Дело в том, что на журфак поступала Светочка Шестакова – девочка

из параллельного класса, которая ему очень нравилась. Но, на начинающую расцветать пышным, благоухающим цветком первой любви Сашкину душу безжалостно наступили тяжелым армейским сапожищем. Цветок безвременно завял, а перспективу Сашкиных взаимоотношений с прекрасным полом обрисовала ротная курсантская песня, когда запевала спрашивает: «Солдатушки, бравы ребятушки, кто же ваши жены?». А солдатушки ему дружно отвечают: «Наши жены – пушки заряжены, вот кто наши жены».

Судьба-злодейка подкралась к Сашке по всем правилам военной науки, с той стороны, откуда не ждешь.

В дело, как говорят, вмешался случай. Случай с его двоюродным братом Витьком. Витек закончил ту же школу, что и Сашка, только на несколько лет раньше. Закончил с золотой медалью и поступил в престижнейший ВУЗ страны. В первое внесла лепту Ангелина Петровна, во второе – связи родителей Витюши и некоторая сумма в рублях. Хотя, признаемся честно, Виктор был парень неглупый, даже, в чем-то, талантливый, победитель городских и областных олимпиад по математике. Начал учебу студент резво, но к третьему курсу, неожиданно для родителей, был отчислен за неуспеваемость. Выяснилось, что Витя, во время обучения, связался с нехорошей компанией, все деньги тратил на девиц, на занятия не ходил, а курсовые решал не себе, а товарищам по курсу с единственной целью – получить на пол-литра. Отец его, полковник штаба округа, давший, поначалу, слабину и разрешивший отправить сына в гражданское учебное заведение, а не в военное училище, на этот раз был непреклонен и Витька, под звуки нестареющего вальса «Прощание славянки», загремел на два года в армию. Да не куда-нибудь, а в Забайкальский военный округ. Подальше от друзей, девочек, водки и поближе к минус сорока в тени.

С тех пор Сашка заметил изменение в поведении его матери – несомненно, призванной оказать решающее влияние на его дальнейшее обучение по окончании школы. Если раньше поступление его в какое-либо заведение обсуждалось открыто и без эмоций, то сейчас на всем повис гриф секретности. Мать вместе с бабушкой, часто стала ездить к Витюшиным родителям, а мать Витюшки – тетя Галина, стала часто бывать у них. При появлении Сашки они мгновенно замолкали и переводили разговор на отвлеченные темы женских сплетен, хотя было понятно, что обсуждают его – Сашкино будущее. Сашка чувствовал – все это связано с последними событиями. Несколько напрягали сравнения с братом и попытки как-то предпринять в связи с этим и его судьбу. Вскоре, то ли Сашка привык, то ли родственники сменили правила конспирации, но тревожность улеглась. Не знал тогда Сашка основного, неписаного закона армейской разведки – если у противника все спокойно – готовься к нападению, если у тебя тишь да благодать – готовься к смерти. Не знал Сашка, что судьба его была уже предрешена. Дабы избежать рецидива появления в роду Русановых алкоголиков и тунеядцев, его было решено сразу, без промежуточных звеньев, упрятать в военное училище. Не знал глупый школяр, что невидимая пружина механизма родственной взаимопомощи: «Дедя Степа, муж подруги нашей двоюродной племянницы рассказывал...», уже распрямилась и, высвободив свою энергию, потянула за веревочку, которая, в свою очередь, открыла защелку на двери с табличкой «судьба Шуры Русанова».

Была, конечно, у Сашки еще надежда на то, что он не пройдет медицинскую комиссию, все-таки у его отца плоскостопие и оно, возможно, хотя бы в некоторой степени, передалось и ему, но, посмотрев, как его маман заходит в кабинет военкома, и как общается с начальником второго отделения, понял: не то, что плоскостопие, не будь у него обеих ног, комиссию он пройдет.

И вот он сидит в этом пыльном кабинете и уже написанную автобиографию ему читать не хочется, потому, что стыдно такое читать. И все вроде бы в его юношеской жизни было хорошо, если бы не один обидный факт. Всего 17 лет человеку, а уже стыдно, и мучительно больно за бесцельно прожитые годы. И как там еще у Островского: «чтобы не жег позор за под-

ленькое и гаденькое прошлое?», или мелочное прошлое? Даже писать об этом не хотелось, но, пришлось упомянуть, хотя бы вскользь. Фу, как противно! Дело в том, что Сашка учился в музыкальной школе. Нет, это еще не стыдно. Сашка ходил на скрипку. Вот теперь стыдно и гаденько. Ладно бы на гитару или барабан, на худой конец на пианино. А то ведь на скрипку! Вы представляете себе, что такое скрипка? Нет, вы себе этого не представляете! Инструмент этот произошел от слияния нескольких инструментов в один, как говорит Сашкина бабушка – «от свального греха». Это инструмент пыток, а не музыкальный. Когда все друзья бегут на реку или на стадион, ты вынужден сидеть в музыкальном классе, пялиться на преподавательницу и учить что такое флажолет, аппликатура, открытые струны и немецкий способ держания смычка. А потом еще пилить гнусные мелодии и видеть невыносимо страдальческую физиономию преподавателя, как будто ты ей задолжал сто рублей. Кому спрашивается это нужно? Это нужно Ангелине Петровне, вознамерившейся воспитать из вас разносторонне развитую личность. Но почему именно такое скрипачье извращение? А потому, что у главы города – сынок, победитель фестиваля «Виртуозы скрипки». Ну почему это все на Сашкину долю? Почему этот алконавт Витя не начал пить годом позже? Почему у главы горисполкома не дочь, а сын? И почему этот сын именно скрипач, а не, скажем, гитарист? Почему муж маминой сестры военный, а не скажем, клоун? И почему моя мама – заведующая городским отделом народного образования, а не декан журфака?» Так думал Сашка, неся «важный документ» начальнику отделения военкомата и понимал, что все вопросы – риторические. Не видел Сашка изогнутого моста – радуги, вспыхнувшей после прекращения дождя над Советским районом города. Природа не терпит пустоты. На место зимы пришла весна, ушли тучи – пришла радуга, предвестница Солнца. Так и в жизни нет пустого места, детство ушло вместе со школой и Сашкина автобиография, под перестук цепочки железнодорожных вагонов неотвратимо уносящих его на другой конец моста судьбы, стала незримо и стремительно заполняться новыми жизненными событиями.

Глава 2

Все военные училища у нас в стране выглядят примерно одинаково. Все они построены в советское время и в их планировке просматривается некая квадратно-прямоугольная монументальность, незатейливость, простота и строгость формы. Там обязательно есть КПП прямоугольной формы с плоской крышей, бетонные заборы по периметру, массивные, решетчатые ворота. Везде преобладают комбинации красно – бело – зеленого цвета. Они и в главном учебном корпусе, и в идеально ровных рядах ухоженных клумб с цветами, и в окрашенные белым цветом бордюрах; всегда чисто выметенных, асфальтовых дорожках, урнах из латунных снарядных гильз, обелисках героям войны, пушках и танках на постаментах, в одинаковых окнах коробок казарм, и в больших – в человеческий рост, как реклама, баннерах с фигурами солдат для строевой подготовки, обязательных пятиконечных звездах на воротах. Странная притягательность этих мест: кто пробыл здесь несколько лет, того неудержимо тянет вернуться. Если в вашем городе есть военное учебное заведение, придите, для интереса, просто посмотрите и вам, даже, если вы человек сугубо гражданский, захочется, однажды, возвратиться. Почему так, я не знаю. Возможно потому, что училище становится на несколько лет настоящим домом для сотен молодых людей. Люди эти, конечно, при всех странностях, перипетиях и специфике армейской жизни пришли в этот дом не для того, чтобы зарабатывать деньги и искать теплые места. В основе мироощущения этих людей – и курсантов, и преподавателей – защита своей Родины. У этих мест своя, особая, притягательная энергетика. У меня, иногда, складывалось впечатление, что именно к таким местам стекаются души, миллионов Советских бойцов, погибших во Второй мировой, чтобы посмотреть и успокоиться – страна может спать спокойно. Это они, а не руки курсантов делают эту странную, притягивающую палитру из – красно-бело-зеленых тонов.

Но все это Сашка поймет намного позже, а сейчас ярким весенним днем 1984г. он стоял около такого квадратного КПП, смотрел на огромный орден Красного знамени прямо перед входом, на массивные, деревянные двери с металлическими подбоями в нижней части, на квадратную прямоугольную вывеску с массивными, печатно-выдавленными, стальными буквами, читал первую строку «МО СССР» с пятиконечной звездой между «МО» и «СССР», и думал: «Вот попал, так попал! Две страны, одна – СССР, эту я знаю, я в ней живу. Но в этой стране есть, оказывается, еще одна. Зайду сейчас за дверь, закроются ворота и все, прощай вольная жизнь, журфак и Светочка Шестакова, и здравствуй, ИМПЕРИЯ МО!»

Абитуриент, в переводе с хинди, означает «тот, кто должен уйти», это известно всем. То, что он должен уйти, вселяло в Сашкину душу надежду. Он присматривался к десяткам таких же как он выпускников средних школ, по недоразумению ли, по стечению обстоятельств ли, или же по доброй воле, в последнее Сашке верилось с трудом, эмигрировавшими из СССР в МО. Состав публики был достаточно, как говорят военные, разнокалиберным. Особняком держались суворовцы. Эти ребята точно были здесь по доброй воле. Отличались они не только формой, но и эдаким, снисходительно-пренебрежительным отношением ко всем остальным. В том, как они себя вели, разговаривали и смотрели на другую часть поступающих, чувствовалась некое превосходство, некая уверенность в завтрашнем дне и знание чего-то тайного, чего остальным знать не дано. На груди у них красовались значки выпускника Суворовского училища – стилизованный орден Суворова, наложенный на лавровый венок. Среди курсантов этот значок именовался Орденом потерянного детства.

Занятия для поступающих проходили во втором учебном корпусе и несколько дней Сашка, привыкший к прилежанию, послушно записывал вопросы и примеры, которые, возможно будут даны как экзаменационные, запоминал порядок прохождения физических тестов и медицинской комиссии. Затем он заметил, что его сосед по столу, среднего роста худощавый

и веснушчатый паренек со вздернутым носом, большими ушами и светлым волосом ничего не записывает. Абсолютно ничего! Напротив, этот юноша во время всех занятий, оказывается, увлеченно рисует чертиков, самолетики и звездочки. Сашка давно начал присматриваться к этому субъекту. Пареньку было на все наплевать. Держался он особняком, но был явно не суворовец. Расписанием экзаменов и испытаний никогда не интересовался, просто шел вместе с толпой, попадая, иногда не в свою группу. В глазах его не было того волнительно-восторженно-телячьего выражения молодого человека, (как на первом свидании – честное слово!), терзающегося комплексами неполноценности знаний и вожделеющего побыстрее переступить порог выбранного им учебного заведения, вкусить всю сладость и почувствовать стальную твердость гранита науки, который, как известно, грызут зубами.

За день до начала экзаменов, они, перетаскивая под командой проворного и крикливого прапорщика матрасы и комплекты постельного белья, для еще одной партии прибывших поступленцев, познакомились. Дима Прошкин, так звали паренька, был сыном генерала. После школы хотел уехать к своей матери в Болгарию, где та работала в посольстве. Но отец Димкин, распорядившись армейскими подразделениями в масштабах армии, решил присовокупить судьбу собственного сына к судьбам тысячам подчиненных. Дима, вместо того, чтобы наслаждаться сказочным видом Золотых песков, загорать на их бесчисленных пляжах, и глазеть на девушек в купальниках таскал вместе с Сашкой пыльные матрасы для курсантских казарм и имел счастье лицезреть воочию начищенные до зеркального блеска сапоги целого прапорщика Советской армии. Когда Сашка все это узнал, на душе у него стало легче, так бывает всегда, когда кому-то хуже, чем тебе.

Если Сашка от всей этой истории немного растерялся и начал понемногу смиряться, то Димка сдаваться не собирался, у него был совершенно четкий план. Все-таки сын генерала. Правда, первый пункт этого плана уже провалился. На ноге у Димы была экзема. Для медкомиссии в военном комиссариате это не представляло никаких проблем, ибо Дима ее успешно прошел заочно. Есть такой способ прохождения медицинских комиссий. Он особо не афишируется, поэтому поверьте на слово. Дима надеялся на то, что комиссия в училище все-таки примет во внимание его заболевание. На комиссии он рассказал осматривающим его врачам страшные истории и демонстрировал невыносимые мучения. Но эскулапы, осмотрели Димкину ногу, посоветались, поскрипели ручками по бумаге и успокоили Диму тем, что его экзема ничего страшного собой не представляет, носит аллергический характер и вскоре – годика через 3—4, пройдет. «И следа не останется, батенька, так что службе это не помеха. Может быть, даже, сапожки поспособствуют выздоровлению» – «утешил» его сам председатель медицинской комиссии – благообразный, седенький старичок, и дружески похлопав по плечу, размашисто написал в результатах – «по результатам медицинского обследования к военной службе годен без ограничения».

Теперь вступал в силу план «Б». Первым экзаменом была история. Дима вытащил билет «Куликовская битва» и уже было вознамерился рассказать преподавателю как в 1812г. на этом самом поле, русские, под предводительством маршала Советского Союза Кулик Г. И., храбро бились со шведами, получить «неуд» и рвануть на вокзал за билетами в Болгарию, но тут к экзаменатору подошел майор, что-то тому шепнул и Дима, так и не успев открыть рот, получил «отлично». На втором экзамене, по математике, Дима во всех ответах наставил, наобум, шестизначных чисел, думая, что это приблизит его к пляжам братской социалистической страны. Но это был тот единственный шанс, один на миллион, когда ответы, чудесным образом, оказались правильными. И снова «отлично». Преподаватель математики поздравил Дмитрия Николаевича, пожал руку и пожелал продолжить славные традиции фамилии. Это был тревожный звоночек и на сочинении, дабы не испытывать больше судьбу, Димка сдал пустой лист. Это возымело действие. Дима получил «хорошо». На иностранный язык наш абитуриент не явился

вовсе, такой дерзости ему не простили, и он схлопотал «удовлетворительно». Собственно, больше и не надо было. Проходной балл для прохождения в училище был набран.

План «С» был у Димы проработан только в общих чертах и, если вкратце, то для его осуществления нужно было забраться на крышу главного учебного корпуса и сигануть головой вниз. Но у Димы не было гарантий, что пробив земную кору и попав в преисподнюю, там его не встретит кто-то из училища и не притащит обратно. У него сложилось впечатление, что у его бати есть знакомства и там.

У Сашки не хватило артистизма корчить из себя придурка, и он также набрал необходимый проходной балл в училище. Встретились они после последнего экзамена и Сашка, все еще не веря, что может поступить, спросил Диму: «Ну, что делать-то теперь будем?».

«Что делать! Что делать! Спроси чего-нибудь полегче. Походу, придется-таки послужить Родине. Во всяком случае, четыре года – это точно. А там видно будет. Сейчас построение, я на него не пойду. С отцом встречаюсь. Ты, если что, со мной?»

«Ну конечно! Замолви, Димон, и за меня там словечко, если не трудно».

В далеком, еще детсадовском детстве, Сашка не выговаривал букву «л», при произношении, как бы, «проглатывал» ее. Когда он на утреннике рассказывал сказку «Красная Шапочка и Серый Волк», то это выглядело примерно так: «И встретися в есу Красной Шапочке Вок». Дальше маленький Саша, разводя в стороны руки и округляя глаза от ужаса, негодования и бессилия чем-то помочь, продолжал «... И открыва гупая бабушка дверь Воку». А дальше – еще страшнее: «...И накинуса Вок на гупых бабушку и маму...». Слова ВОК и ВОКУ Саша произносил с хрипотцой и придыханием, делая небольшие театральные паузы, стараясь донести до зрителя, весь ужас и коварство этого персонажа. Сашины мама и бабушка, сидя в первых рядах зрителей, умиленно утирали платочками слезы и хлопали в ладоши. Особенно всех веселило то, что маленький Шурик выходил за рамки канонического текста сказки и всегда называл маму и бабушку Красной Шапочки глупыми. Устами младенца глаголит истина, это еще древние подметили. Мама и бабушка – не сказочные, а Сашкины, укладывая Саше в дорогу его любимые пирожки с творогом, понятия не имела, в лапы кому она отправляют своего сыночка и внучка. Они сидели перед телевизором, просматривали передачу «Служу Советскому Союзу», где главный политрук СССР генерал армии Епишев А. А. вещал о том, что «военнослужащие показывают образец коммунистического отношения к труду» и не терпелось им: когда же любимое чадо превратится в курсанта Русанова А. И. и наденет на голову «красную шапочку» – армейскую фуражку с красным околышем.

На встрече с отцом Дима поставил условие: он останется в училище, если будет учиться с Сашкой Русановым на одном факультете. Генерал принял условие сына. Так, вслед за Димкой, Сашка попал на разведывательный факультет ВОКУ – высшего общевойсковое командного училища и специальностью его на долгие четыре года, стало применение подразделений войсковой разведки.

Когда человек замерзает, застигнутый снежным бураном, где-нибудь на безбрежной студенной равнине, то в последние минуты жизни, прежде чем он переступит порог, ведущий в мир иной, покажется вдруг ему, что стало тепло и спокойно и некуда больше идти и незачем больше вырываться из смертельных объятий морозной стужи.

В эту ночь, перед тем, как Сашка превратился из абитуриента в курсанта и перешагнул порог из жизни гражданской в жизнь иного измерения ему тоже, во сне, вдруг стало тепло и спокойно. Не слышал он звонков телефона на тумбочке дневального, тихих перешептываний еще не спавших товарищей, монотонного постукивания ветки не по уставу разросшегося каштана о стекло казармы, осторожных скрипов паркета под ногами дежурного. Ему не снились сны. Сашкина прежняя жизнь замерзла, превратилась в ледяную снежинку-звездочку между двумя могущественными империями – МО и СССР.

Глава 3

Жизнь человеческая это просто жизнь и все. Это все что умещается между родился и умер. Жизнь сама по себе аморфна и не имеет ни положительного заряда, ни отрицательного, она абсолютно нейтральна. Она как озеро. В одно и то же озеро можно заходить и выходить хоть тысячу раз. Жизнь, она как бабушка, любит тебя такого, как ты есть.

Судьба человеческая это нечто другое. Судьба человеческая связано с жизнью лишь отчасти, так же как река связана с озером. Река судьбы подпитывает озеро жизни и не дает ему высохнуть, наполняет его новым содержимым, не дает порости мхом и превратиться в затхлое болото. Но судьба это не жизнь, как сказано – нельзя войти в одну и ту же реку дважды. Когда кому-то кажется, что волевым усилием он управляет своей судьбой, он глубоко заблуждается. Можно изменить жизнь, но судьбу изменить невозможно. Река судьбы неотвратимо несет жизненную лодку человека, а тот властен, только переходить с носа на корму, воображая, что идет против течения. Судьба, она как соседка. В глаза улыбается, а за глаза строчит анонимки во всевозможные инстанции.

Перед вновь поступившими, на построении, выступил начальник училища: «Первый курс – самый трудный, но и время на нем летит быстро. От вас требуется внимательно слушать и выполнять требования старших начальников. Будет трудно, но не скучно. Это я вам обещаю. За четыре года всем вам предстоит пройти путь от школьников до офицеров Советской Армии».

Сашка решил не тратить энергию и не бегать по лодке как неразумный заяц, а поддаться течению и немного поразмыслить, осмотреться вокруг. Благо времени на это было предоставлено достаточно.

Во всех военных училищах первые курсы одинаковы. Некоторое время занимает КМБ – курс молодого бойца, во время которого никаких увольнений. Подъем, зарядка, завтрак, занятия, обед, занятия, отбой, вот и все расписание жизни курсанта в эти дни. Однообразные и скучные занятия по изучению армейских уставов, конспектирование наставлений и инструкций. Сашка, сидя на занятиях, и борясь с наступающими приступами сна, с удивлением обнаружил, как он много знает – сказались уроки начальной военной подготовки (НВП) в школе. Он знал или, во всяком случае, имел представление о многом; устройство и тактико-технические данные автомата Калашникова, Строевой и Караульный уставы, действия при химическом, бактериологическом и радиационном заражении местности, отход, подход к начальнику – все это было Сашке знакомо. Мысленно он не раз поблагодарил преподавателя НВП, майора запаса Попова, выпускника того самого училища, где теперь учился Сашка. О, эти превратности судьбы!

От гражданских вузов жизнь в военном училище отличается двумя основными вещами. Первое это то, что из военного училища нереально быть отчисленным за неуспеваемость. Казарменный образ жизни и железный армейский принцип «Не можешь – научим, не хочешь – заставим» не дает бездельникам и тунеядцам никакого шанса. В гражданском ВУЗе студент отсидел с утра до обеда свои пары и на этом работа преподавателей с ним окончена, что он делает после этого – зубрит конспекты или Камасутру штудировать, гуляет с девочками, водку пьет или поклоняется культу Вуду никого не интересует. Курсант же все 24 часа под неусыпным надзором командиров. И даже когда курсант спит, служба идет – его товарищи в наряде или караулах.

Второе отличие – строевая подготовка. Строй это то, с чего собственно армия и начинается. Строй это первичная ячейка армии, ее олицетворение. Таким он стал с тех незапамятных времен, за много тысяч лет до нашей эры, когда кто-то понял, что слаженные и осмысленные действия небольшой группы правильно расставленных, вооруженных людей, объединенных

единой целью и командой, могут превращать в пыль многотысячные, неорганизованные толпы. Воинов до этого было много, а вот военных – ни одного. Этот «кто-то» и стал первым в мире военным. Он открыл для человечества всепокрушающую мощь римских манипул, фаланги Александра Македонского и казачьих сотен. Самое главное было держать строй – в этом был залог победы. Ничего нового человек тут не изобрел. Алмаз – самый твердый кристалл на земле, способный сокрушить любой другой материал, является таковым из-за особенностей построения атомов в кристаллической решетке. Иначе говоря, из-за того, что атомы алмаза непоколебимо держат свой строй. С изобретением пушек, многозарядных винтовок и пулеметов атаки строем ушли в прошлое, но дисциплина – строевая подготовка, осталась. Смысл занятий строевой не столько в физической составляющей, сколько в мгновенной и бездумной реакции на команды. Строевая команда это своего рода аутотренинг. Как в офисах компаний. Если бы в отделах продаж крупных компаний менеджеров, хотя бы по двадцать минут, гоняли строевым шагом, продажи увеличились бы в 5—6 раз. А если бы им потом пообещать, что строевой тренинг отменят, то и в десять. От строевой подготовки армейских подразделений есть ответвления, такие, например, как рота почетного караула. Хотя они внешне и схожи, но, на самом деле, имеют существенные отличия. Рота почетного караула это уже не строевая подготовка и не солдаты. Это театр и артисты.

Но есть одна особенность строевой подготовки. Умение ходить строевым шагом и ум – понятия обратно пропорциональные. Здесь важна мера, долго строевой заниматься человеку нельзя. Максимум – год или два. После этого необходимо либо заканчивать, либо переходить в артисты. Если этого не сделать, то бесконечные: «раз, два, три», «тяги носочек», «смирна», «вольна», «равняйся» начинают действовать на мозг как мантры тибетских шаманов и происходит его релаксация. Человек теряет связь с окружающей действительностью и все люди начинают ему казаться бездушными строевыми куклами, созданными только для того, чтобы ходить строем, тянуть носочек и горланить военные песни. Даже со своими домашними такой человек начинает говорить цитатами из строевого устава.

Таким был преподаватель строевой подготовки капитан Степин. Высокий, сухощавый, подтянутый, в идеально облегающей, сшитой по заказу, в ателье военной форме, он всем своим видом показывал преимущества строевика перед «пиджаками» с гражданки и военными – технарями. Говорили, что он пришел в училище из дисциплинарного батальона, а ведь там строевая занимает по 12—18 часов в день. Но не следует путать дисциплинарный батальон (ДБ) с ротой почетного караула. ДБ это тюрьма и строевая там – наказание.

Однажды, дежурный по училищу, услышал команды со стороны плаца. «Строевая это, конечно, хорошо, но не в 2 часа ночи. Слава Богу, не дисбат» – подумал озадаченный майор. На плацу он заметил одетого по всей форме Степанова, марширующего под свои собственные команды. Капитана подлечили. Злые языки утверждали, что после лечения Степина направили в академию учиться, на генерала. На самом деле капитан дослуживал в танковом училище, но не на строевой должности, а техником, на складе запчастей.

Еще одна особенность курсантской жизни – проживание в казарме. Проживание в казарме это тоже своего рода аутотренинг – продолжение строевой. Если строевая подготовка учит беспрекословному, автоматическому выполнению приказа, то казарменная жизнь отучает человека от собственности. Человеку, для того чтобы привыкнуть к собрату своему, нужно определенное время, иногда годы, а вот к разным вещам сердце человеческое прикипает сразу и навсегда, не оторвешь. Какой же ты, тогда офицер, если голова занята, куда барахло приспособить? Пока у молодых людей, в достаточной степени, еще не развилось это чувство к шмоткам, их отправляют на несколько лет в санаторий – казарму. К этому надо относиться как к профилактическому лечению от шмотказавимости. В казарме у курсанта нет ничего своего, к чему бы прикипела душа. Даже постель и нижнее белье не его собственность. А в тумбочке только мыло, зубная паста, ручка, да пачка конвертов. Казарма отучает курсанта от тяги

к накоплению, от собственности. Это первый шаг к тому, чтобы в случае необходимости человек без раздумья мог отказаться и от жизни.

Все, что было выше сказано о проживании в казарме, Суворов А. В. изложил одной строчкой – «Нужное солдату полезно, а излишнее вводит в роскошь – мать своеволия». Можно только добавить, что своеволие, в свою очередь мать анархии. Роскошь, своеволие, анархия и есть самые главные враги империи МО. Эти три врага находятся в кровном родстве по линии патриарха этого рода – поражения.

По утрам Сашка, каждый раз с некоторым недоумением, обнаруживал смотревшую на него из зеркальной глади, освобожденную от густой шевелюры физиономию и не верил, что это он. Хотелось оглянуться, отойти в сторону и увидеть себя нормального, довоенного, а этого лысого с растерянным взором навсегда оставить в зазеркалье стен военного училища

Глава 4

Присягу принимали в жаркий, солнечный день. До этого, они несколько недель учили наизусть присягу. Сашка вроде бы выучил, но он не представлял, что будет делать, если от волнения забудет текст. Семь потов с него сошло, пока они сбивались в коробки, вышагивали по плацу и слушали выступления руководства училища и гостей. Приятным сюрпризом было то, что оказывается, наизусть они учили присягу для порядка, на плацу же присягу зачитывали. И вот, наконец, очередь дошла и до него. «Я гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным...».

В любимом Сашкином фильме детства «Золушка» Принц говорит: «Волшебная страна – это такая страна, где человеку приятно. Но длиться это всего 9 минут и 9 секунд». Курсантская страна это такая страна, где все время хочется есть. И не 9 минут 9 секунд, а круглосуточно, даже во сне.

После присяги жизнь Сашкина не особенно изменилась, та же строевая, то же чувство постоянного голода, только теперь прибавилось занятий. Еще, кроме этого, курсантов первокурсников, иногда, привлекали на различного рода хозяйственные работы, не говоря уже о нарядах в столовую. Но, в нарядах в столовую Сашка мог, хотя бы, наесться вдоволь жареной картошки, которую курсанты готовили сами себе. Вообще-то питание было довольно сносное, если не считать регулярно подаваемого «мяса белого медведя».

«Мясо белого медведя» – экзотическая изюминка армейской кухни. Употреблять в пищу этот продукты совершенно невозможно, так как это просто огромные куски проваренного сала. Для чего такое сало регулярно подавали к столу непонятно, ходили только версии.

Одна из них состояла в поддержании необходимого процента жирности пищи для военнослужащих. Дело в том, что существовали «Нормы суточного довольствия военнослужащих Советской Армии» в которых было все четко прописано: что и сколько положено солдату. В этих нормах было много всего: хлеб, макароны, рыба, свекла, капуста, сало (животный жир), кисель, мясо, прочая еда. Исходя из этого набора продуктов, нужно было поварам приготавливать пищу. А у пищи есть такой показатель, как жирность. Жирность обеспечивалась двумя основными составляющими – животным жиром (салом) и мясом. Если какой-то из этих компонентов убавить, то его можно с успехом заменить другим и жирность останется на уровне требуемой нормы. Если проникнуть мыслью в эти кулинарные дебри то формула жирности выглядела так: количество мяса обратно пропорционально количеству сала. А мясо это такой сложный продукт, за ним глаз, да глаз нужен. Не успел повар отвернуться, а уже коты, проклятые, стянули кусок. И судя по количеству сала, мяса в пищу не добавлялось вообще. Но это, конечно, только неподтвержденная версия и ничего больше. Хотя у «котов» в армии документами могут быть не только усы, лапы и хвост. И прямые свидетельства этого в летописи ВОКУ зафиксированы, но об этом немного ниже.

Вторая версия говорила о том, что таким образом МО избавляется от стратегических запасов сала, выслуживших свой срок хранения. Эта версия имела под собою реальное основание. Дело в том, что соленое свиное сало очень удобный продукт, в нем много жира для поддержания сил солдата, и оно может, при наличии герметичной упаковки, долго храниться. Легкие по весу и питательные сухари и калорийное сало – что еще нужно солдату? Это актуально в отсутствии возможности снабжать войска питанием, в особенности для разведчиков. Но здесь тоже есть одно непонятное обстоятельство: каким образом, в таком случае, МО избавлялось от стратегических запасов мяса?

Чувство голода было от того, что организм, поначалу, не мог приспособиться к строгому режиму питания, а бежать в магазин было просто некогда из-за напряженного графика учебных занятий.

Постоянное чувство недоедания сыграло злую шутку с однокурсником Сашки – Володей Терпиловым. Володя был на полигоне, только-только получил свою тарелку с борщом и шел к пункту пропуска, где он дежурил. В это время шлагбаум поднялся и заехал УАЗ начальника училища. Нужно было бежать докладывать, но для этого он должен был поставить на землю борщ, а за ним, как назло, увязалась полигонная дворняжка Жулька. Жулька крутилась возле ног и тоже, как и Володька была не прочь пообедать. Докладывать начальству, держа тарелку борща в руках, было не хорошо. И Вовка стал метаться между командиром и Жулькой, в результате споткнулся о собаку и упал, вылив борщ на гимнастерку. Всем, кроме Терпилова, схлопотавшего наряд вне очереди, было смешно.

Но и из этого, казалось бы, пустяшного, смешного эпизода армейские педагоги сумели сделать выводы, полезные для будущих офицеров. На тактико-строевой подготовке преподаватель подробно, под хохот курсантов описал этот случай, а затем перешел к причинам. «Все дело в нерешительности, и, как следствие, медлительности принятия решений. Промедление смерти подобно – этой универсальной формуле уже несколько тысяч лет. Как должен был правильно поступить курсант Терпилов? Он должен был немедленно поставить тарелку и идти на доклад к начальствующему лицу. Как он должен бы поступить неправильно? Он сначала бежит в караулку, ставит чашку, а затем уже докладывает командиру. Но он не поступил, ни так, ни так. Он промедлил. В результате всех насмешил. Современный бой очень динамичен, все иногда решают минуты и секунды. Все время нужно принимать какие-то решения. Пусть они будут не совсем правильные – но принимать. Если не принимать и медлить, будет еще хуже».

Делать выводы, казалось бы, из примеров простой, обыденной жизни и учить этому курсантов было «фишкой» училища. Память человеческая имеет свойство запоминать только то, что необычно, нестандартно, не вписывается в рамки определенных процессов и процедур. Эти примеры мозг запоминает, анализирует и человек приобретает способность также мыслить – не по шаблону.

На одном из занятий преподаватель подозвал курсантов к столу. «Обратите внимание на муравья, ползущего по столу – обратился он к слушателям, если перед ним положить какой-нибудь предмет, ну, скажем, вот эту авторучку, что он будет делать? Мы наблюдаем, как муравей осторожно начинает ползти вдоль препятствия, хотя, без труда, может преодолеть эту преграду и пойти дальше. Казалось бы, его действия нелогичны. В чем дело? На самом деле все логично. Дело в том, что муравей ищет обход и одновременно обследует препятствие. Это наш коллега из муравьиной тактической разведки. Такой же принцип лежит и в основе разведки армейской. Даже о самом незначительном препятствии на пути следования войсковой колонны вы должны знать все: длину, ширину, высоту, материал, из которого изготовлена, грузоподъемность, способы обхода и преодоления».

Настоящей отдушиной для курсанта первого курса являлись в то время, конечно же, письма из дома. Другие коммуникации, от мобильного телефона до компьютера, конечно же, намного удобнее. Но, во-первых, в то время таких устройств еще не было. Хотя, «во-первых», более чем достаточно для понимания того, почему курсантам писали письма, все же, чтобы лучше понять атмосферу тех годов империи, нужно рассказать и о «во-вторых».

Солнце, которое мы видим – из прошлого. Из-за громадности расстояния теплый свет его доходит до земли только через восемь минут. Письмо, согревающее своим теплом, тоже привет из прошлого. Конверту нужно время, для того, чтобы донести до адресата свой груз. Сейчас таких писем практически уже никто не пишет. Люди слишком приблизились друг к другу. Все слышат, все видят, все рассматривают под микроскопом, реагируют на все мгновенно, «биби-

кают» друг другу как одержимые, торопятся. Все запатентовано, зафотографировано, запротоколировано. Нет для человека в человеке тайн. Одно только осталось человеку – увидеть Солнце в режиме «он-лайн». Недостаточно ему этих восьми минут: «Хочу сейчас и немедленно видеть Солнце и, чтобы оно всходило и заходило по моему хотению, а я бы ему сигналил, если, вдруг, задержится!». К этому и идет, неудержимо, мир, все более и более сокращая расстояние и спасительные восемь минут.

Между собой это расстояние люди уже давно сократили, нет больше бумажных писем, нет спасительного времени в несколько дней, нет радости распечатывания конверта и узнавания знакомой руки. Душа компьютеризирована, язык стандартизирован, почерк унифицирован.

Но это мгновенное общение; оно приносит радость и информацию мозгу, но душа ко всему этому остается глуха. В век 21 человек подсознательно выработал уже защитные механизмы от изоощренной лжи, неискренности, обмана. То, что поступает непосредственно в данный момент времени через органы чувств, мозг автоматически «отсекает» от души. Мы относимся к этому, как к передаче информации, не более того. И с большим доверием, сейчас, относимся к информации годовой давности. Она проверена временем. Когда человек наедине с бумагой, он делается более искренним, бумаге «доверяют» свои мысли. А можно ли сказать, что вы доверяете свои мысли компьютеру или телефону? Компьютер и телефон это прикладные программы и железки – не более того. Любое письмо, написанное от руки нельзя назвать программой. Любое письмо, это – застывшее время, монумент прошлому.

Так приятно было в те годы услышать Сашке от командира взвода: «Танцуй Русанов, тебе письмо!» Сплясать на радостях, поскорее вскрыть конверт, но осторожно, чтобы не повредить находящееся внутри письмо и сделать это даже не для того, чтобы прочитать, а для того, чтобы, просто, увидеть знакомый почерк. К тому же, бывали и еще более приятные сюрпризы: в нарушении всех инструкций Почты СССР, из письма неожиданно, кроме письма или открытки, выпадали деньги – три или пять рублей одной купюрой.

Сегодня, на построении, командир взвода отрядил Сашку, Диму и еще пятерых курсантов в распоряжение прапорщика Ток Ивана Петровича по кличке «Бром». Прапорщик построил выделенный ему личный состав, сказал краткую речь политической направленности, а затем спросил: «Кто желает заняться творческой работой?». Сашка и Дима изъявили такое желание. Их товарищи отправились на склад разгружать машины с досками, а наши герои занялись покраской забора училища.

Надо отметить, что разнообразием цветовой палитры краски, выделенные Сашке и его товарищу, не отличались. Был только один зеленый цвет. Кисточки были тоже не из беличьей шерсти, да и творческой энергии здесь было особо не разгуляться. Но вот свои математические способности пришлось поднапрячь.

Итак, задача. На покраску участка забора училища длиной 50 метров требуется 40 банок зеленой краски. Вопрос: сколько метров забора могут покрасить курсанты под началом прапорщика, имея 30 банок краски? Ну что, господа читатели, решили? Неправильно! Правильный ответ – 50 метров. Следующий вопрос: сколько метров забора можно покрасить, имея 20 банок? Решили? И снова неправильно! Правильный ответ – 50 метров. И, наконец, сколько же забора можно покрасить, имея 10 банок краски? Не утруждайте себя напрасно. Это армейская задача и попробовать решить ее может только специально подготовленный специалист. Правильный ответ – 50 метров. Вопрос: а сколько же в таком случае закупается банок краски? Ответ – 50 банок. Вопрос: куда же девается оставшаяся краска? Не трудитесь и не напрягайте понапрасну мозги. На эти вопросы математическая наука еще только ищет решение. Это одна из так называемых математических проблем тысячелетия, наряду с гипотезой Римана и проблемой Пуанкаре. Это так называемый эффект Тока – «Брома».

Все время покраски «Бром» контролировал курсантов, не отходя ни на шаг и требуя разводить краску бензином как можно больше.

«Вы что же это, товарищ курсант, не видите, что краска у вас слишком густая? Добавьте бензина!»

«Товарищ прапорщик, да и так ведь в банке почти один бензин – три раза уже разводил».

«Ничего страшного. Бензином краску не испортишь. Налей еще немного, а то на забор не хватит. Так и мне ничего не достанется...»

«Чего вам не достанется, товарищ прапорщик?»

Как совсем недавно установили ученые, мозг у прапорщика состоит из двух полушарий – левого и правого. В левом у него храниться информация о том, что он уже стащил со склада, а в правом – то, что только наметил стащить. Между этими полушариями идет непрерывный обмен информацией, и для обработки оперативной информации, поступающей в мозг извне, совсем не остается места. Именно поэтому, иногда, самые невинные и простые вопросы ставят прапорщика в тупик.

Вот и сейчас, Ток задумался, глаза его округлились, в них промелькнула тень беспокойства. Но оценив обстановку прапорщик понял, что курсант первогодок это не начальник училища, не замполит и даже не прокурор.

«Чего! Чего! По шее мне достанется от замполтыла за вашу мазню! Работайте, давайте и глупых вопросов не задавайте! Да краску чаще разводите!»

После покраски забора Сашка и Дима, придя на склад, долго оттирали бензином руки от липкой краски, а затем, развалившись на выгруженных досках и блаженно закрыв глаза, ждали «Брома». Здесь и приснился Сашке его первый училищный сон. Сидит, как будто, Сашка в классе спецтехники и красит столы зеленой краской. В это время дверь медленно, беззвучно, открывается и заходит Суворов Александр Васильевич – точно такой, как на портрете в коридоре училища. Начинает Суворов Сашку ругать за то, что тот разводил краску бензином. Говорит ему Суворов, что и такой Сашка и сякой и кто его такого сюда направил. А Сашка, чуть не плача, отвечает: «Это все мама, чтобы я алкоголиком и тунеядцем не стал, товарищ Генералиссимус Советского...» И тут до Сашки доходит, что граф Александр Васильевич никак не может быть товарищем и тем более Советского Союза и мнетя, думает, как бы ему Суворова назвать, так чтобы по уставу. А Суворов сердится, по полу топает, и пол начинает трястись.

Но трясется это не пол, а настил, на котором Сашка и Димка спят. Ток тербит доски, ругается – пора на вечернее построение.

Особо нудным занятием для Сашки, да и не только для него, было изучение уставов. Уставы, если кратко это Библия военнослужащего. Уставы, это как Таблица Умножения для математиков, или Таблица Менделеева для химиков. Уставы, это как изучение литературных классиков в школе – читать скучно, но если хочешь стать образованным человеком – надо. Всяким там техникам, юристам, технологам, врачам, педагогам, кроме основной, нужны тонны дополнительной литературы. Военнослужащему кроме устава, можно ничего не знать, там записано умными людьми все что нужно. В этой умной книжке, даже, записано, как отходить, и, самое главное, как подходить к начальнику. Сашка в журнале «Наука и жизнь» читал, что в открытый космос отправили космический корабль с записанными на золотую пластину сведениями о земле и приветствием землян. Во-первых, с точки зрения разведки это сделано неразумно. Одна из заповедей разведчика гласит: если не знаешь что впереди, думай, что там засада. Если знаешь что впереди, думай, что ты этого не знаешь. Но, даже если что-то и посылать в космос, то нужно было послать братьям по разуму Общевоинские Уставы СССР. «Для выполнения воинского приветствия за три, четыре шага до начальника повернуться в его сторону, принять строевую стойку и смотреть ему в лицо, поворачивая вслед за ним голову. Приложить кратчайшим путем правую руку к головному убору так, чтобы пальцы были вме-

сте, ладонь прямая, средний палец касался нижнего края головного убора...». Для кого это написано, если не для киборга? Это же алгоритм, программа для искусственного разума. Разве на гражданке придет в голову кому-либо регламентировать подход, да еще и отход от начальника. Это потому, что на гражданке – другая страна. В империи МО своя иерархия, свой кодекс чести и свои принципы, и в основе всего этого – уставы. В этой самой имперской иерархии Сашка занимал самую последнюю ступень, но и ему, казалось бы, существо бесправному, Устав иногда давал полномочия, сравнимые с возможностями императора МО, называемого в уставах Министром Обороны СССР. С одного прочтения запомнил Сашка врезавшиеся ему в память строки: «Часовой есть лицо неприкосновенное». «В обязанностях всех лиц бесприкословно выполнять требования часового, определяемые его службой». «Да» – думал Сашка: «Неприкосновенное и бесприкословно. Не все так просто, как кажется на первый взгляд. За этим стоит уважение к самой личности солдата, как защитника Отечества. И за внешними тупизмом и шагистикой есть что-то такое, что вызывает определенный интерес и уважение. Интересно, кто автор Устава?» На обложке написано: «Утвержден указом Президиума Верховного Совета СССР». Ну, это понятно. Но, не сам же Президиум Верховного Совета все это сочинял? На занятиях Сашка узнал, что автором первого Устава, еще в 1716 году, был Петр Первый. А все нынешние уставы проистекают от него. То есть, читая и изучая Общевоинские Уставы, он как бы читает мысли первого Императора России. Вот в чем настоящее величие Петра! Он не просто смог отвоевать новые земли и разбить могущественных противников, он еще передал опыт войны, бесценный опыт побед и поражений. Интересно, что этим человеком двигало? Что делал бы Сашка, будь он императором? Неужели, как полоумный, гонял бы по плацу «потешные полки» курсантов и сочинял бы для них уставы? Трудно было служить при Петре, когда он ломал судьбу России через колено и заставлял рубить окно в Европу. Сашкино нынешнее положение тоже не назовешь сбывшейся мечтой. Его тоже подтолкнули к армейской стене и заставили пробивать себе проход, длиной в 4 учебных года. Трудно было России, но через Петровское окно пошел приток свежего воздуха, до сих пор дышит этим воздухом страна. А у Сашки что? Строгая, до аскетизма, и беспокойная курсантская жизнь, пропахшие потом гимнастерки и натертые сапогами ноги. А на другой стороне прохода? Есть там хоть какой-то проблеск? Там тоже все туманно. Бывшие выпускники пишут о бытовой неустроенности, придирках начальства, однообразных армейских буднях и праздниках, которые еще хуже, чем будни.

Еще одно важное открытие сделал для себя Сашка. В военном училище четкие отход и подход к доске, это уже два балла. То есть, если курсант за ответ получает кол, к этой цифре прибавляются баллы за отход и подход и в сумме получается удовлетворительно. Вряд ли это тоже завещал Великий Петр. Соединить ноги и голову, это уже изобретение из новейшей истории МО.

Предсказания начальника училища насчет того, что будет весело и время пролетит быстро, сбылось. Ряды курсантов таяли. Молодые люди не выдерживали, в основном, распорядка, дисциплины и специфического армейского духа.

Все в армии окружает невидимый, только ей одной присущий дух, аура. Все армейское имеет особенную форму, но и наполнение здесь тоже своеобразное. Нельзя сказать, что оно плохое или хорошее. Оно характерное только для армии, к нему нужно привыкнуть, как привыкают к фуражке или кирзовым сапогам. Хуже армейская форма, чем гражданская одежда? Да нет, конечно! Просто она другая, из другой жизни. Одной из отличительных черт этой самой нетривиальной внутренней жизни является столкновения здравого смысла и армии. И, опять же, в гражданской жизни эти столкновения тоже происходят. Ну, например, бежит гражданин, торопится куда-то, попадает на красный свет светофора. Здравый смысл ему говорит: «Подожди, друг любезный. Постой десять секунд. Они ничего не решат». Но бежит гражданин на «красный». Что побеждает? Здравый смысл или гражданин? Побеждает гражданин, цар-

ствие ему небесное. Отличие гражданской жизни от воинской в том, что на гражданке у здорового смысла есть, все-таки, шанс на победу. В жизни воинской побеждает всегда армия, а здоровый смысл остается расплюснутым на асфальтовом плацу, земля ему пухом. Одному такому столкновению и стал Сашка свидетелем.

Димкина мама накатала в Главное политическое управление (ГПУ) жалобу, в которой указала, что у ее сына болят ноги, и он не может нести службу. Из ГПУ приехал целый полковник, приказал построить роту курсантов после кросса и предложил выйти из строя того, у кого не болят ноги. Ноги болели у всех, из строя никто не вышел. Тогда полковник предложил выйти из строя тех, кто хочет пойти в увольнение. В увольнение хотели все, и вся рота дружно шагнула вперед. Инспектор доложил наверх, что физические нагрузки в училище не превышают нормативные. Матери Димы прислали ответ, в котором поблагодарили за воспитание сына, так как тот мужественно переносит тяготы и лишения военной службы.

Димкина мама снова послала жалобу в ГПУ. На этот раз она указала конкретно на экзему ноги. Но, в жалобе она перепутала ноги и написала, что экзема у него на правой ноге, в то время, как заболевание поразило левую. Проверку приехал проводить подполковник. Собранные медицинские светила долго осматривали Димкину правую ногу, абсолютно проигнорировав левую, как будто ее и не было вовсе, и выдали подполковнику справку: экземы на правой ноге у курсанта нет. Проверяющий, с чистой совестью, отбил в ГПУ телеграмму: «Повторная медицинская комиссия признала курсанта Прошкина годным для дальнейшего прохождения службы». Начальнику ГПУ доложили: «Сведения, содержащиеся в письме гр-ки Прошкиной не подтвердились». Матери Димы прислали ответ, в котором поблагодарили за воспитание здорового сына, что помогает тому мужественно переносить тяготы и лишения военной службы.

Гражданка Прошкина отослала в ГПУ третью жалобу, к которой приложила выписку из детской карточки Димы, где было черным по белому написано, что болезнь носит неизлечимый характер. Проверку приехал проводить лейтенант. Он взял выписку из медицинской карты училища, где было черным по белому написано, что курсант Прошкин здоров как бык. Матери Димы прислали ответ, в котором поблагодарили за воспитание воли и характера у сына, что помогло тому побороть врожденный, неизлечимый недуг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.